

Бывшего полицейского Кляйна похищают адепты странной секты, в которой считают, что можно стать ближе к Богу при помощи ампутаций. Кто-то зарезал основателя их культа, и теперь Кляйн должен найти убийцу. Но в секте полно тайн, ее иерархия непроницаема и даже простой допрос превращается в запутанный ребус. И чем дальше заходит Кляйн в своем расследовании, тем быстрее мир вокруг него превращается в кровавое наваждение, из которого, кажется, нет выхода.

МАСТЕРА
ЧУВАСОВ

ADAM NEVILL

NO ONE
GETS OUT
ALIVE

МАСТЕРА
ВРЕМЕНИ

Адам Нэвилл

НИКТО
НЕ УЙДЕТ
ЖИВЫМ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО:
РОМАН ДЕМИДОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Моей маленькой дочке Ионе.
Однажды твоему старому папочке придется
многое объяснить насчет этих книг.
А также памяти двух из моих любимых писателей:
Джоэла Лейна (1963—2013),
лучшего бирмингемского автора
странных историй,
и Колина Уилсона (1931—2013),
чьи идеи всегда меня так вдохновляли.

ТЬМА БЛИЖЕ, ЧЕМ СВЕТ

*И самое ужасное — силуэт возник у моей постели
и действительно заговорил со мной.*

*Я помню слова, которые он повторил дважды,
прежде чем исчезнуть: «Приди за мной, Дод».*

Журнал «Блэквудс», 1840.

(из письма читателя)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ОДИН

Сон отступил быстро, и Стефани почти ничего не запомнила, кроме тревожного желания покинуть холодное, серое место; тесное пространство, в котором люди стояли к ней слишком близко. Кто-то из них плакал.

В беспокойные мгновения, тянувшиеся за окончанием сна, пришло облегчение, что от кошмара остался только испуг. Оно мешалось с чувством потери чего-то важного, но неопределимого и неосуществленного. И еще она замерзла. Голова, не укрытая одеялом, заледенела, словно кровать стояла на улице.

Глаза Стефани были открыты. Она лежала на спине и ничего перед собой не видела. Но в темноте

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

слышался голос, приглушенный неумолкающий голос, окружавший ее пробуждавшиеся мысли. Ни одно слово не было достаточно громким или четким, чтобы понять его, но ею владела жуткая уверенность, что бормотание не может быть частью сна, потому что она окончательно проснулась. В голосе не было ни настойчивости, ни особенной выразительности, ни даже эмоций; манера предполагала монотонность, монолог.

Голос шел сбоку, от камина, который она не могла различить в темноте. Даже с выключенным светом ни единый блик не проникал с улицы через плотные занавески.

«Радио? В соседней комнате?»

Хотя чем больше она вслушивалась в голос, тем больше уверялась, что кто-то говорил за противоположной стеной. Но за той стеной ничего не было, потому что дом стоял особняком. Так что, возможно, это в комнате снизу работал телевизор — «Да, не забывай, что они существуют» — и звук поднимался через дымоход.

Когда голос в камине начал всхлипывать, Стефани захотелось сделать то же самое. Это была странная передача, в которой одному человеку дозволялось сначала безостановочно говорить, а потом разрыдаться в эфире.

«Возможно, другая съемщица». Может, она разговаривала сама с собой в соседней комнате, а теперь плачет. Звук неподдельной муки вызвал в голове у Стефани образ женщины, упав-

Адам НЭВИЛЛ. НИКТО НЕ УЙДЕТ ЖИВЫМ

шей на колени рядом с камином и закрывшей лицо руками.

Она не могла пойти и спросить, в чем дело. Стефани корила себя за то, что ее смущает чужое горе, но была середина ее первой ночи в доме, и она не могла собраться с духом, чтобы пойти и предложить помощь незнакомке.

«Но, слава Богу, что это всего лишь соседка. Я уж было подумала...»

Напряжение вернулось в ее тело и разум так быстро и с такой силой, что она втянула в себя воздух, будто ступила в холодную воду. Потому что ни радио, ни телевизор, ни соседка с разбитым сердцем точно не могли быть ответственны за начавшееся под кроватью царпанье.

Она бы с криком вскочила с постели, если бы у нее не появилась новая надежда, что скрежет доносится не из-под деревянных досок в основании кровати, а из-под половиц.

«Мыши!» Здесь точно были мыши; она видела две маленькие картонные ловушки — те, у которых внутри синий шарик отравы, — на площадке второго этажа и в туалете третьего. Вчера утром, когда ей показывали дом, вид ловушек ее ужаснул. Они были еще одним символом уменьшавшихся возможностей, подступающей нищеты — элемента свободы, которую опрометчиво возжелали, не получив еще независимости, или променяли на новую несвободу. Но она уже жила в доме, где водились мыши, и видела

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

